

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
“ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ”»

На правах рукописи

Видничук Анастасия Олеговна

Женская преступность в послепетровской России (1730 – 1750)

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель

Доктор исторических наук,
профессор

А.Б. Каменский

Москва 2023

Работа выполнена в Аспирантской школе по историческим наукам Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Научный руководитель:

Каменский Александр Борисович,
доктор исторических наук, профессор

Актуальность темы исследования

В последние годы можно наблюдать возросший интерес российских ученых к разного рода девиациям и конфликтам внутри общества прошлого¹. Анализ конкретных практик и реакции сообщества и государства на нарушение установленного социального порядка, как правило, представляет собой лишь первый этап исследования, конечной целью которого является выявление норм, ценностей и негласных правил, разделяемых всеми или почти всеми индивидами, образа мышления и модусов сосуществования людей в конкретную историческую эпоху.

Безусловно, преступность можно считать экстремальным видом девиации, и при такой трактовке данная проблематика также открывает широкие возможности для изучения систем ценностей определенных общностей людей. Но кроме того, как продемонстрировали ученые-социологи и криминологи еще в XIX веке, преступность является важным индикатором уровня напряженности внутри общества и показателем внутреннего устройства последнего. Поэтому изучение преступности можно отнести и к не теряющему актуальности направлению социальной истории,

---

¹ Каменский А.Б. Следствие и суд по делам об изнасиловании в России XVIII века // *Cahiers du Monde Russe*. 2020. Vol. 61. No 1-2. P. 105-128; Он же. Феномен самоубийства в России XVIII в. [Электронный ресурс] // ВИБЛЮИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2020. Vol. 8. P. 1-26. URL: <https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivliofika/article/view/789> (дата обращения: 22.08.2022); Кошелева О.Е. "Бесчестье словом" петербургских обывателей петровского времени и монаршая власть // *Одиссей. Человек в истории. Язык Библии в нарративе*. М.: Наука, 2003. С. 140-169; Ролдугина И. Открытие сексуальности: Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге: по материалам Калининской комиссии (1750–1759) // *Ab Imperio*. Vol. 2016. No. 2 (2016). P. 29-69; Muravyeva M. Sex with Animals in Early Modern Russia: Legal Spaces of Negotiating the Boundaries of Humanity [Электронный ресурс] // ВИБЛЮИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2019. Vol. 7. P. 102-118. URL: <https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivliofika/article/view/598/488> (дата обращения: 17.05.2022).

которое занимается реконструкцией социального состава, социальных иерархий и отношений между социальными группами в прошлом².

Кроме того, актуальность темы диссертации обусловлена интересом к гендерным исследованиям, появившемся в науке несколько десятилетий назад. Переосмысление роли и места женщины в современном мире со временем поставило и перед историками задачу дополнить существующую картину прошлого знанием о женской половине общества, возможно, оставившей меньше информации о своей жизни, но не менее важной. Женская преступность интересует гендерных исследователей как одна из немногочисленных сфер, где можно увидеть реальную степень вовлеченности женщин в жизнь государства и общества.

Историографический анализ

Интерес к истории женской преступности резко вырос благодаря движению за права женщин, активизировавшемуся в первую очередь в Европе и США в 1960-е гг., и тем общественным трансформациям, которые оно породило и которые в свою очередь не могли не отразиться на направлении развития исторической науки.

На сегодняшний день в зарубежной историографии насчитывается несколько сотен статей и монографий, посвященных женской преступности Нового времени³, была разработана методология, введено в оборот

---

² Об актуальности этого направления см.: Границы и маркеры социальной стратификации России XVII-XX вв.: векторы исследования. СПб, 2018; Confino M. The Soslovie (estate) Paradigm. Reflections on Some Open Questions // *Cahiers du Monde Russe*. 2008. Vol. 49. No. 4. P. 681-704; Kamenskii A.B. Do We Know the Composition of the 18th Century Russian Society // *Cahiers du Monde Russe*. 2014. Vol. 55. No. 1-2. P. 135-148; Ransel D. Implicit Questions in Michael Confino's Essay. Corporate State and Vertical Relationships // *Cahiers du Monde Russe*. 2010. Vol. 51. No. 2-3. P. 195-210; Smith A. The Shifting Place of Women in Imperial Russia's Social Order // *Cahiers du Monde Russe*. 2010. Vol. 51. No. 2-3. P. 353-367; Wirtschafter E. Social Categories in Russian Imperial History // *Cahiers du Monde Russe*. 2009. Vol. 50. No. 1. P. 231-250.

³ Beattie J.M. The Criminality of Women in Eighteenth-Century England // *Journal of Social History*. 1975. Vol. 8. No. 4. P. 80-116; Briggs J. Crime and Punishment in England: An Introductory History. London, 1996; Callahan K. Women Who Kill: An Analysis of Cases in Late Eighteenth- and Early Nineteenth- Century London // *Journal of Social History*. 2013. Vol. 46. No. 4. P. 1013-1038; Campbell R. Sentence of Death by Burning for Women // *Journal of Legal History*. 1984. Vol. 5. No. 1. P. 44-59; Cockburn J. Punishment and Brutalization in the English Enlightenment // *Law and History Review*. 1994. Vol. 12. P. 155-179; Devereaux S. The Abolition of the Burning of Women in England Reconsidered // *Crime, History and Societies*. 2005. Vol. 9. P. 73-98; Dolan F. 'Gentlemen, I Have One Thing More to Say': Women on Scaffolds in England, 1563-1680 // *Modern Philology*. 1994. Vol. 92. No. 2. P. 157-178; Durston G. Victims and Viragos: Metropolitan Women, Crime and the Eighteenth-Century Justice System. Bury St. Edmunds, 2007; Heijden M.P.C. van der. Women and Crime in Early

множество ранее не изученных источников, а уже известные получили новую интерпретацию. Можно выделить две основные тенденции в работах западных историков: во-первых, стремление опровергнуть стереотипы, через изучение источников рассеять устоявшиеся, но не имеющие научной основы представления о «типично женском» поведении⁴. Во-вторых, отход от объяснения явлений прошлого с помощью терминов «патриархат», «угнетение», «бесправие», а вместо этого попытки рассматривать конкретные механизмы, институты, взаимоотношения, стратегии адаптации и т.д.⁵

В России женская преступность стала объектом научного интереса в конце XIX – начале XX века, но заинтересовались ею изначально не историки, а криминологи. Волна внимания к криминальному поведению женщин поднялась после публикации труда психиатров-криминологов Ч. Ломброзо и Г. Ферреро⁶. В советское и постсоветское время интерес криминологов к женской преступности значительно убавился, но не исчез совсем⁷.

Ни в дореволюционное, ни в советское время преступность как социальное явление историков не интересовала. Как справедливо отмечает

Modern Holland. Leiden/Boston, 2016; Hurl-Eamon J. Gender and Petty Violence in London, 1680-1720. Columbus, 2005; Kermod J., Walker G. Women, Crime and the Courts in Early Modern England. Chapel Hill, 1994; Kilday A.-M. Women and Violent Crime in Enlightenment Scotland. Royal Historical Society Studies in History. Woodbridge, 2007; MacKay L. Why They Stole: Women in the Old Bailey, 1779-1789 // Journal of Social History. 1999. Vol. 32. P. 623-639; Rublack U. The Crimes of Women in Early Modern Germany. Oxford, 1999; The Oxford Handbook of Gender, Sex, and Crime. Oxford, 2014; Walker G. Crime, Gender, and Social Order in Early Modern England. Cambridge, 2003.

⁴ Так, британский историк Гартин Уокер считает, что необходимо переосмыслить “способы концептуализации гендера как исторической категории», избегать бесосновательных стереотипов и проблематизировать кажущиеся очевидными, но недоказанные утверждения, например, что «женщины-преступницы [...] были не так смелы, как мужчины, были менее склонны действовать в одиночку и более склонны выступать помощницами мужчин; что они крали предметы меньшей ценности и более практического использования, чем мужчины; что они были в целом менее вовлечены в криминал, и потому современники считали их не такими опасными; и, следовательно, что в системе правосудия женщины получали великодушное обращение и частые помилования». Walker G. Women, Theft and the World of Stolen Goods // Kermod J., Walker G. Women, Crime and the Courts. P. 82.

⁵ См., например, Ogilvie Sh. How Does Social Capital Affect Women? Guilds and Communities in Early Modern Germany // The American Historical Review. 2004. Vol. 109. No. 2. P. 325-359.

⁶ Оригинал: Lombroso C., Ferrero G. La donna delinquente: la prostituta e la donna normale. Torino : L. Roux, 1893. Перевод на русский язык: Г.И. Гордон. Женщина преступница и проститутка. Киев, 1897.

⁷ Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992; Волкова Т.Н. Особенности женской преступности в России (криминологический анализ). М., 1998; Зырянов В.Н., Серебрякова В.А. Корыстные преступления, совершаемые женщинами. Нижний Новгород, 1986; Кочерова Н.В. Характеристика женской рецидивной преступности в России (конец XIX – начало XX вв.). Минск, 2009; Серебрякова В.А. Преступления, совершаемые женщинами. М., 1973.

Е.В. Акельев, в работах историков «отсутствовали сведения о конкретных преступниках и преступных группах», а «конкретно-историческая практика применения правовых норм ... почти не рассматривалась»⁸.

В постсоветский период российские историки довольно активно восприняли новые веяния и начали активно разрабатывать историю повседневности или историю ментальностей (активно привлекая при этом судебную-следственную документацию, несмотря на сложности, сопряженные с таким ее использованием), однако практически не заинтересовались всерьез историей преступности. Обладая высоким информационным и интерпретационным потенциалом, история преступности тем не менее остается сравнительно мало разработанной областью в отечественной науке и занимает в ней маргинальное положение⁹.

Единственным на сегодняшний день монографическим исследованием, посвященным преступному миру России XVIII века, является книга Е.В. Акельева¹⁰. В центре этого исследования – судьба главного героя книги – вора и агента Сысского приказа Ваньки Каина, но кроме того автор реконструирует основные типы преступников, характерные для рассматриваемого времени (преимущественно середина столетия).

Особую форму преступности – политические преступления в России раннего Нового и Нового времени – изучил Е.В. Анисимов¹¹. В его исследовании анализируются виды политических преступлений, следственный процесс, в особенности практика применения пыток, причины появления среди населения тех или иных неподобающих слухов и высказываний, а также опасения государства, выражающиеся в строгих наказаниях за «непригожие речи».

---

⁸ Акельев Е.В. Городская преступная среда и опыт борьбы с ней в России и Франции первой половины XVIII в.: сравнительно-историческое исследование: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 7-8.

⁹ Это выражается не только в малом количестве специалистов и исследований по теме, но и в отсутствии какой бы то ни было институционализированности: не существует специальных периодических изданий по истории преступности и исследовательских центров/постоянно действующих групп по ее изучению.

¹⁰ Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.

¹¹ Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

Другим важным для настоящей диссертации исследованием является монография Н. Коллманн «Преступление и наказание в России раннего Нового времени». Оно посвящено устройству судебной системы и принципам, лежащим в основании права Российского государства XVII – начала XVIII века. Коллманн анализирует законодательство, рассматривает судебные дела и приговоры, личный состав служащих судебных учреждений, изучает их повседневную рутину и результаты их работы и приходит к выводу, что путаница, волокита и непрофессионализм в российских судах XVII – начала XVIII века были чересчур преувеличены в историографии, а подданные русского царя были неплохо осведомлены о действующем законодательстве и, в основном, могли рассчитывать на правосудие.

Что касается исследований, посвященных женщинам в России XVIII века и женскому опыту в разных сферах жизни, то первопроходцем в этой теме является Н.Л. Пушкарева, перу которой принадлежит несколько монографий и статей теоретического и эмпирического характера¹². Несмотря на ее неоспоримую заслугу в привлечении внимания к тематике женских исследований и создании первой и единственной в России Ассоциации женских исследований (РАИЖИ), необходимо отметить, что ее работы в основном посвящены жизни представительниц высших слоев общества и основаны на опубликованных и хорошо изученных нарративных источниках.

Если жизнь дворянок изучена на сегодняшний день уже достаточно подробно, то исследования, посвященные жизни солдаток, горожанок, крестьянок, и основанные на архивных материалах только начинают появляться в последние годы. Историки обращаются и к таким ранее не привлекавшим внимания аспектам жизни женщин, как участие в экономической деятельности¹³, супружеское насилие¹⁴, сексуальность¹⁵ и др.

---

¹² Например: Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб, 2007; Она же. Частная жизнь русской женщины XVIII в. М., 2012.

¹³ Маррезе М.Л. Бабые царство: дворянки и владение имуществом в России (1700-1861). М., 2009.

¹⁴ Muravyeva M. 'Till Death Us Do Part': spousal homicide in early modern Russia // History of the Family. 2013. Vol. 18. No. 3. P. 306-330.

¹⁵ Ролдугина И. Открытие сексуальности: Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге: по материалам Калининской комиссии (1750–1759) // Ab Imperio. 2016. Vol. 2. P. 29-69.

Таким образом, можно сказать, что многие стороны жизни русской женщины XVIII века получили освещение в историографии, но женское участие в преступной деятельности до сих пор не стало предметом рассмотрения историков.

Новизна исследования

Настоящая диссертация представляет собой первый опыт изучения женской преступности в России XVIII века. Впервые в фокусе исследования оказываются не отдельные преступления, а феномен женской преступности в целом. Ранее в отечественной историографии не предпринималось попыток изучать преступность в рамках гендерной истории, не ставились вопросы о степени влияния гендера на криминальное поведение людей в прошлом, а следовательно и о правомерности существования термина «женская преступность». Историки не анализировали, насколько разным или схожим был образ действий мужчин и женщин преступников и почему, как на это влияло принятое в обществе распределение гендерных ролей, гендерные ожидания и стереотипы.

Настоящее исследование является одной из немногих работ на российском материале, написанным в рамках гендерной истории, а не истории женщин. Разница заключается в подходе, методологии, а также фокусе исследования.

Кроме того, несмотря на то, что судебно-следственные материалы представляют собой массовый источник, активно изучаются историками, тем не менее вводимый нами в оборот комплекс источников ранее проанализирован не был, в то время как он представляет уникальную информацию не только об опыте столкновения женщин с законом, но и о функционировании главного судебного учреждения Москвы за первые 20 лет его существования.

Предметом исследования являются характерные черты и специфика женской преступности в России XVIII века, личностные характеристики

преступниц, а также социокультурно обусловленные паттерны и тенденции существования феномена в стране в данный период. Помимо этого, в работе затрагиваются вопросы, касающиеся функционирования судебной системы и уровня правовой культуры населения.

Объектом исследования выступает комплекс судебно-следственных документов, отложившихся в фонде Сысского приказа за период с 1730 по 1750 год, а также законодательные акты, устанавливающие материальные или процессуальные правовые нормы и действующие в указанное время.

Цель исследования – выявить особенности криминального поведения женщин в России в 1730-1750-х годах, выяснить степень значимости гендерного, социального, возрастного и других факторов в структуре женской преступности указанного периода, а также определить место этого явления в российском обществе середины XVIII века.

Для достижения заявленной цели потребуется решить **задачи**:

1. Выявить и проанализировать состав преступлений, которые чаще всего совершали женщины, по возможности выявить причины и мотивы совершения преступлений, описать образ действий и поведение преступниц.
2. Обозначить специфику пространства, т.е. Москвы как крупного столичного города со специфическим устройством жизни, социальным составом, уровнем свободы, автономности и контроля со стороны власти и местного сообщества.
3. Проанализировать данные, касающиеся личностных характеристик преступниц: их социальной принадлежности, возрастного состава и семейного положения.
4. Проанализировать специфику женского опыта прохождения следственных процедур и заключения.
5. Путем сопоставления женской преступности в России и Европе Нового времени определить, какие особенности функционирования государства и общества и каким образом влияли на тенденции

женской преступности, как отражались внутригосударственные преобразования и, возможно, более глобальные события на особенностях этого феномена.

Источниковая база исследования

Источниковая база настоящего исследования представлена комплексом судебно-следственных материалов XVIII в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в фонде Сысского приказа¹⁶. В силу устройства судебной системы России первой половины XVIII века судебные дела о женских преступлениях могли попадать в разные учреждения, наделенные судебными функциями. Однако именно в фонде Сысского приказа, главного судебно-следственного органа Московской губернии, сконцентрирован основной массив всех уголовных дел, и потому комплекс документов, положенный в основу настоящего исследования, представляется репрезентативным.

В результате работы с указанным архивным фондом всего было выявлено 357 архивных дел с участием женщин и 1342 дела с участием мужчин. Что касается критериев выборки, в базу заносились все дела за период с 1730 по 1750 год включительно, в которых участвовали женщины. Дела с участием мужчин заносились в базу в соответствии с описью, кроме того, по 6-7 дел за каждый год по разным преступлениям непосредственно просматривались. Всего было просмотрено 137 дел с участием мужчин.

Созданный в 1730 году Сыской приказ стал главным в Московской губернии ведомством, которое занималось уголовным судопроизводством («татинными, убивственными и разбойными делами»), «главным розыскным органом всего Московского региона» и был «в несколько обособленном положении, занимая равное место с коллегиями, а по отношению к Московской губернской канцелярии находясь даже в вышестоящем

---

¹⁶ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1.

положении»¹⁷. При этом расследованием политических преступлений ведала Тайная канцелярия, а нарушениями брачного законодательства – церковные суды.

Разумеется, выявленные судебно-следственные материалы представляют данные далеко не о всех преступлениях, совершенных в Москве с 1730 по 1750 годы. Не все инциденты дошли до суда: часть потерпевших считала слишком затратным ведение судебного процесса, часть конфликтов, вероятно, была разрешена без обращения в суд (об этом можно судить по речам участников дел). Кроме того, поскольку крепостные считались собственностью помещиков, то последние имели право наказывать провинившихся крестьян самостоятельно, не обращаясь к государству. Для историка это, помимо всего прочего, расширяет «слепую зону» – неизвестное количество случаев, не дошедших до суда, и заставляет в очередной раз оговариваться, что сохранившиеся в архиве и дошедшие до нас дела представляют собой лишь часть, вероятно, малую, всех происходивших конфликтов.

Методология

Основной принцип работы – «движение от источника», что предполагает, с одной стороны, отказ от *ante factum* определенных теоретических рамок, а с другой, – невозможность изначально очертить круг вопросов и тем, на основе которых будет построено исследование. Под этим подразумевается, что до непосредственного анализа источников невозможно было определить, на какие из поднимаемых в историографии вопросов можно будет найти ответы.

Как было сказано выше, специфика судебно-следственных материалов как исторического источника налагает на исследование некоторые ограничения: извлекаемую из них информацию нельзя воспринимать даже

---

¹⁷ Акельев Е.В. Сыскай приказ (1730-1763 гг.) – центральный орган уголовной юстиции Российской империи // Проблемы предупреждения и борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2012. С. 50.

как субъективное видение этой реальности участником дела. Мы имеем дело не с самостоятельно построенным подследственными нарративом, а с ответами на конкретные вопросы, то есть до нас доходит только та информация, в которой был заинтересован суд. Как отметил А.С. Лавров, «допрос ... протекал как заведомо неравная коммуникация, в ходе которой допрашиваемому навязывалась не только чуждая ему хронология, но и чуждые ему оценки, термины, даже система категорий ...»¹⁸. Однако показания участников дел, хотя и не содержат прямой речи, все же позволяют вычлениить элементы защитных и обвинительных стратегий, гендерно окрашенных или гендерно нейтральных.

Словосочетание «женская преступность» уже само по себе является концептом, проблематизирует исследование, поскольку противопоставляется «мужской преступности». Оно подразумевает утверждение, что гендер влияет на способ, причины и мотивы совершения преступлений, уровень и тенденции развития преступности. В данной диссертации предполагается с помощью компаративного метода проверить это положение и выяснить, действительно ли гендер – значимая переменная. Сравнивать мы будем в первую очередь данные о мужчинах-преступниках и женщинах-преступницах. Второй возможный вариант применения компаративного метода связан с сопоставлением полученных результатов по женской преступности в России с данными зарубежных исследований.

Некоторые кейсы по тем или иным параметрам (суть дела, личность истца или подсудимого, особенности ведения дела и т.д.) заметно выбиваются из «общей картины» и, являясь уникальными, нуждаются в отдельном освещении и анализе. Поэтому в отдельных случаях мы прибегаем к методу case-study.

---

¹⁸ Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700-1740 гг. М., 2000. С. 29.

Хронологические рамки

Новое время – важный этап в изучении преступности в целом, и женской в частности. Изменение самого характера преступности¹⁹, отношения к этому явлению и способам наказания правонарушителей, восприятие телесности и физической боли, становление новой системы ценностей, а также возникновение новых институтов – профессиональной полиции, детективных агентств, прокуратуры²⁰ и т.д. – все это черты, благодаря которым мы можем говорить о модерности.

Что касается России, то и в начале, и в конце XVIII века страна переживала серьезные трансформации, касавшиеся и структуры общества, и судебной системы. XVIII век в истории России – это период реформ, качественного изменения практически всех сторон жизни общества. Разумеется, преобразования не могли не затронуть и жизнь женской его половины, целенаправленно или в качестве побочного эффекта.

Кроме того, как показывают исследования историков, война неизбежно влияет на динамику и тенденции преступности внутри страны, ведущей ее²¹. А поскольку в XVIII веке Россия вела многочисленные войны, в основном за пределами страны и с армией, организованной на иных, по сравнению с предыдущим периодом, принципах, интересно будет выяснить, отражалась ли военная ситуация на показателях преступности.

Выбор в качестве хронологических рамок диссертации 20 лет – с 1730 по 1750 г. – обусловлен несколькими факторами. Во-первых, в 1730 году был учрежден Сыскной приказ, материалы деятельности которого легли в основу настоящего исследования. Создание этого органа было важным шагом в упорядочении судопроизводства в Москве: если до этого судебная власть над

---

¹⁹ Британский историк Клайв Эмсли, в частности, отмечал, что с развитием экономики и переходом к капитализму появились новые виды преступлений, например, банковские аферы, которые было гораздо сложнее расследовать, чем мелкие кражи (Emsley C. *Crime and Society in England 1750-1900*, Harlow, England; New York, 2005. P. 298). А Грегори Дарстон упоминает о значительном снижении уровня убийств в Европе, начиная с конца Средних веков и до середины XX века. (Durston G. *Victims and Viragos*. P. 60).

²⁰ Акельев Е.В. “Сыщик из воров” Ванька Каин: анатомия “гибрида” // *Ab Imperio*. 2018. Vol. 3. С. 257-304; Emsley C. *Crime and Society in England*. Ch. 9.

²¹ Briggs J. *Crime and Punishment in England: An Introductory History*. London, 1996. P. 52-53; Walker G. *Crime, gender, and social order*. Ch. 3.

москвичами была рассеяна между разными учреждениями и постоянно переходила от одного к другому, то с 1730 и до ликвидации Сысского приказа в 1763 году все уголовные дела по Москве рассматривались только в нем. Во-вторых, выбранные два десятилетия представляют собой время правления двух российских императриц – Анны Иоанновны (1730 – 1740) и Елизаветы Петровны (1741 – 1761), чья внутренняя политика, «стиль» правления и образ в историографии если не поляризованы, то во всяком случае представляют значительный контраст. Нам представляется, что непосредственное изучение правоприменительной практики позволит сделать более взвешенные и обоснованные выводы по этому вопросу.

Географические рамки определены характером источников. В настоящем исследовании речь будет идти только о территории, находящейся под юрисдикцией Сысского приказа, т.е. о Москве и Московской губернии. При этом, как уже было сказано выше, попадание дела в Сысский приказ определялось территорией совершения преступления, а не местом постоянного проживания преступника.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что оно демонстрирует возможности и ограничения изучения женской преступности в России Нового времени.

В практических целях положения данной диссертации могут быть использованы при разработке учебных курсов по социальной и гендерной истории, а также по истории России Нового времени.

Положения, выносимые на защиту

1. Наиболее распространены среди женщин были бег со сносом, кража и торговля краденым – ненасильственные и тайно совершаемые преступления. Насилие не было вовсе чуждо женщинам, но

проявлялось оно иначе, чем мужское: женщины редко вступали в прямую конфронтацию, предпочитали выждать удобного момента и отомстить обидчику, не выдавая себя – напав ночью или со спины, устроив пожар в его доме или наведя на него порчу.

2. В отличие от европейских женщин, русские не участвовали в политических акциях, даже если дело касалось их насущных интересов, не выступали подстрекателями стихийных народных восстаний и разжигателями недовольства в толпе, не оказывали сопротивления представителям власти. Кроме того, женщины в России XVIII века не имели доступа к государственной службе, и поэтому сфера служебной преступности была им, в отличие от мужчин, недоступна.
3. Существующее в историографии мнение относительно того, что женская преступность часто выступает лишь производной от мужской, а женщины-преступницы в основном помогают и подчиняются мужчинам, не подтверждается на нашем материале. Русские женщины чаще всего совершали преступления в одиночку или объединялись с другими женщинами. Кооперация преступников разных полов была характерна для сложных, многоходовых экономических афер и для преступлений, совершаемых членами одной семьи.
4. Нужда была важным, но далеко не единственным мотивом совершения женщинами преступлений. Кроме него, на правонарушения часто толкали неудовлетворительные условия жизни, например, неволя или побои; желание улучшить отношения с конкретными людьми – хозяевами, мужьями, любовниками – или избавиться от них; сильные эмоции – обида, гнев, ненависть, любовь, страсть, стыд; страх общественного и семейного осуждения; возможность совершить преступление безнаказанно. Кроме того, иногда женщины совершали преступления, потому что

исходили из собственных представлений о справедливости и не знали о расхождениях этих представлений с законом или не обращали на это внимания.

5. Пространство большого города с присущими ему анонимностью, мобильностью части населения, отсутствием такого строго социального контроля, как в деревне или маленьком городе, само по себе выступало важным фактором преступности. Пестрый и постоянно меняющийся социальный состав Москвы, высокие для рассматриваемого времени промышленные и торговые обороты, множество возможностей получения работы и низкие требования работодателей и арендодателей – все это способствовало притоку в город разных слоев населения, в том числе преступников и маргиналов.
6. Биографические данные, являющиеся частью допросов, позволяют не только узнать личные характеристики преступниц, но и внести существенные коррективы в понимание социальной структуры и устройства общества послепетровского периода. Наиболее часто среди преступниц встречаются крестьянки и солдатки, при этом крестьянки чаще всего обвинялись в побегах от хозяев, а солдатки в имущественных преступлениях, что коррелирует с их неустойчивым финансовым и социальным положением. Наличие или отсутствие супругов практически никак не влияло на криминальное поведение женщин. Однако официальный социальный и брачный статус преступниц не всегда четко соотносился с реальными условиями их жизни. Аффективные мотивы совершения преступлений и указания на подговор были характерны по большей части для молодых девушек и девочек-подростков, в то время как пожилые женщины чаще обвинялись в торговле краденым, интегрированной в их повседневную рабочую рутину.

7. Российская судебная практика в рассматриваемое время была индифферентна к полу обвиняемого, все подданные в равной степени считались субъектами права и могли выступать в суде в разных ролях. Женщинам не делалось послаблений, их пытали и наказывали наравне с мужчинами, в то же время им не отказывали в агентности. Существовавшие в официальном и религиозном дискурсе предубеждения против женщин во время судебного процесса не проявлялись, слово мужчины и женщины обладало одинаковой силой. В этом состоит важное различие с европейскими судами, где действовали принципы, с одной стороны, позволяющие женщине уйти от наказания и снимающие с нее ответственность, а с другой, умаляющие ее правоспособность и подчеркивающие приниженное положение.
8. Со вступлением на престол Елизаветы Петровны в российской судебно-следственной системе наметились некоторые перемены. Во-первых, была интенсифицирована борьба с преступностью, Сыскной приказ стал обрабатывать в несколько раз больше дел в год. Во-вторых, встал вопрос об эффективности пытки как средства дознания, что привело к фактическому сокращению ее применения. В-третьих, владельцы крепостных стали часто отзывать свои жалобы на крепостных сразу после этапа первичного дознания, отказываясь от пыток и наказания кнутом. В-четвертых, смертные приговоры не приводились в исполнение, а заменялись на пожизненную ссылку.

Структура и краткое содержание исследования

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка иллюстраций, графиков и таблиц, списка сокращений, списка источников и литературы.

В первой главе «Преступления: криминологические характеристики» названы наиболее распространенные среди женщин виды преступлений, выявлены причины, способы совершения женщинами этих преступлений, а также определена специфика женского криминального поведения. Важным также нам показалось рассмотреть, почему женщины не совершали преступления, которые совершали мужчины в России в рассматриваемое время или женщины в Европе Нового времени. Кроме того, в данной главе проанализированы преступные коллаборации женщин, то, в каких случаях и при каких обстоятельствах они предпочитали совершать преступления совместно с другими женщинами или с мужчинами.

Среди наиболее распространенных среди женщин преступлений были ненасильственные и направленные на получение выгоды – кражи, торговля краденым. Бег со сносом – самое часто встречающееся преступление – тем не менее едва ли можно отнести к экономическим, хотя оно и предполагает хищение чужого имущества. Меньшую часть составляли аффективные преступления – убийства, «блуд», волшебство. Женская доля участия в насильственных преступлениях была ничтожна. Женское насилие обычно проявлялось скрыто, без прямой конфронтации и было следствием не вспышки ярости, а долго длящейся напряженности и многочисленных обид. Различного рода должностные преступления – хищения, взятки, ошибки и нарушения, также оставались сферой мужской преступности, в силу недоступности государственной службы для женщин. Любые формы политической активности, характерные для европейок, были совершенно не типичны для русских женщин, как, впрочем, и для мужчин, за исключением масштабных, но редких бунтов.

В основном женщины предпочитали «работать» в одиночку, а если и кооперировались, то по большей части с другими женщинами. Преступные коллаборации с мужчинами возникали, как правило, либо внутри семьи, либо при совершении сложной аферы, например, подложной продажи рекрутов.

Причиной многих женских преступлений становилась нужда, но она была далеко не единственным мотивом: часто противозаконные поступки являлись следствием негативных эмоций – гнева, злости, зависти, ревности, стыда или способом решения проблем в отношениях с другим людьми: помещиками, соседями, мужьями, любовниками и т.д. Кроме того, преступление иногда рассматривалось как вынужденный шаг, как меньшая из зол, как единственная возможность спасения: речь идет в первую очередь о побегах крепостных от хозяев или жен от мужей, спровоцированных жестоким обращением. Судя по всему, некоторые преступления были следствием расхождения между нормами законодательства и представлениями о справедливости, присущими конкретному человеку или бытовавшими в народе: иногда свободные женщины, выйдя замуж за крепостного, продолжали претендовать на свободу и отказывали понимать, что их статус изменился и они приобрели новые обязательства. Наконец, нельзя игнорировать и такую причину многих преступлений, как возможность их совершить. Люди, даже не пребывая в жестокой нужде, часто не могли противиться соблазну взять то, что «плохо лежит».

Во второй главе «Преступницы: социальные характеристики» реконструирован социальный портрет преступницы середины XVIII века, выявлено, женщины какого возраста, социального и брачного статуса чаще всего оказывались вовлечены в криминальную деятельность, установлены причины таких корреляций, а также определено значение городского пространства для женской преступности.

Судебно-следственные дела предоставляют в первую очередь информацию о преступлениях, и лишь во вторую о личностях преступников. Тем не менее, они отлично демонстрируют, как по-разному могли сложиться

судьбы людей, какие факторы на это влияли, какие стратегии выживания и взаимодействия с государством избирали люди, и в частности, женщины, как в повседневной жизни преломлялись государственные установления и насколько прочны были границы, разделявшие социальные группы.

Ситуация, сложившаяся в Москве, вовсе не является типичной для русского города этого времени. В силу многих факторов, в том числе административного и промышленного значения Москвы, в городском сообществе сложились особые отношения, характеризующиеся в первую очередь анонимностью, непостоянством и отсутствием жесткого социального контроля. Из-за широких возможностей трудоустройства Москва являлась центром притяжения женщин определенного возраста, определенной социальной принадлежности и даже определенного брачного статуса. Это необходимо учитывать, и это делает наши выводы малоприменимыми к другим регионам.

Если отталкиваться от числовых значений нашей выборки, то можно предположить, что среднестатистическая московская преступница в середине XVIII века была замужней крестьянкой в возрасте от 18 до 40 лет. На самом деле реальность, конечно, намного сложнее: внутри крестьянства существовало несколько групп, различающихся по своему официальному и фактическому статусу, факт замужества далеко не всегда означал, что женщина живет с мужем и может рассчитывать на него, в том числе в материальном плане. Несмотря на то что около половины от всех преступниц из собранной нами базы являлись крестьянками, это не говорит о том, что крестьянки являлись самой криминальной группой общества, потому что их представленность в базе не пропорциональна их представленности среди населения России того времени. Это означает, что пропорция нарушена и среди женщин из других социальных групп. У нас нет данных о том, какой процент среди населения составляли солдатки, но, так или иначе, едва ли они составляли пятую часть женского населения. Поэтому, скорее всего, именно они были больше всего вовлечены в криминальную активность.

Все эти оговорки не позволяют делать однозначные выводы о социальном портрете русской преступницы XVIII века. Однако некоторые тенденции проследить все же возможно. Так, девочки-подростки и совсем молодые девушки демонстрировали более высокую конформность, были более подвержены негативному влиянию старших женщин или избирали соответствующую тактику поведения в суде. Кроме того, молодые девушки были более склонны к аффективному поведению и к проявлениям насилия. Женщины старшего возраста в основном были вовлечены в торговлю краденым – вид преступления, нацеленный на получение выгоды, требующий не сноровки и риска, но соответствующего опыта и связей. Брачный статус в основном никак не влиял на криминальное поведение женщин. Даже женщины, живущие совместно с мужем и не испытывающие сильной нужды, совершали преступления довольно часто. Тем не менее, правонарушения одиноких женщин, к тому же не являвшихся коренными москвичками – солдаток и крестьянок, в большинстве случаев носили экономический характер и имели целью поддержание собственного существования. Двоемужие или внебрачное сожитительство для таких женщин тоже могло быть способом в первую очередь обрести материальную стабильность.

В третьей главе «Следствие и приговор» проанализировано поведение женщин в суде, их тактики и стратегии защиты и оправдания, выяснено, каково было отношение российского суда и шире – государства к женщинам-преступницам в XVIII веке. Были рассмотрены основные этапы следствия, возможные и наиболее часто встречающиеся приговоры, сравнена тяжесть пыток и наказаний для женщин и для мужчин. В данной главе, помимо прочего, затронут вопрос о специфике правовой культуры и уровне развития судебной системы в России Нового времени.

Российскому судебно-следственному процессу раннего Нового времени в исследованиях присваиваются разные и порой диаметрально противоположные характеристики, но, пожалуй, самой неожиданной из них

является исповедание принципа равенства полов перед законом²². Российское законодательство не делало послаблений женщинам ни в отношении пыток, ни в отношении наказания, но оно также не было склонно и более сурово относиться к женщинам, считать их априори виновными, «ненадежными, невежественными, ветреными и распутными»²³, в отличие от, например, германского права раннего Нового времени.

Н. Коллманн пишет, что «ни этническая, ни гендерная, ни социальная принадлежность не были препятствием для дачи показаний. Женщины, крепостные, холопы, представители нерусских народов – все они могли свидетельствовать»²⁴. На самом деле, как видно из наших дел, дачей свидетельских показаний диапазон возможностей не ограничивался. Оставляя за скобками вопрос о национальной и социальной принадлежности участников процессов, скажем, что, несмотря на подчиненное в целом положение женщин в российском обществе XVIII века, женское слово в суде тем не менее значило ровно столько же, сколько и мужское. Кажется, что суд и закон этого времени были абсолютно равнодушны к гендеру – во внимание не принимались ни разница в положении мужчин и женщин, ни разница в устройстве организмов. Таким образом, женщин никак не дискриминировали, в чем бы это ни выражалось: и в одинаковой важности мужских и женских показаний, и в одинаковом количестве ударов кнутом. Как подметили В. Кивельсон²⁵ и Э. Виртшафтер²⁶, в России на протяжении истории гендерные факторы играли принципиально иную роль, нежели в Европе, и далеко не всегда гендер являлся определяющей категорией.

При таком вполне современном уравнительном подходе к участникам судебного процесса, в целом российская судебная система XVIII века

---

²² Заметим, что речь идет именно о правоприменительной *практике*. Мы не настаиваем на том, что этот принцип распространялся на другие сферы жизни общества и государства, в том числе на законодательство, в котором присутствовала (а в некоторых регионах применялась и в 1730-х годах) статья о жестокой казни мужеубийц – закапывании заживо в землю. В то время как наказание за убийство жены в Соборном Уложении особо не оговаривалось – за него предполагалась смертная казнь обычным способом, но только если было доказано наличие умысла.

²³ Rublack U. The crimes of women in early modern Germany. P. 31.

²⁴ Коллманн Н. Преступление и наказание. С. 171.

²⁵ Кивельсон В. Магия отчаяния: Моральная экономика колдовства в России XVII века. СПб., 2020. Гл. 4.

²⁶ Wirtschafter E. Social Identity in Imperial Russia. DeKalb, 1997. Ch. 1.

оставалась отсталой и архаичной, вплоть до реформ Екатерины II действовала по сложившимся еще в предыдущие века принципам. Если в Англии судьи уже в XVIII веке часто инстинктивно руководствовались принципом невиновности человека при недоказанности вины²⁷, то в России, напротив, действовала презумпция виновности, и не истцу нужно было доказывать факт совершения преступления, а обвиняемому свою непричастность.

Кроме того, существование крепостного права фактически выводило от трети до половины населения страны из законных юридических рамок. Поскольку крепостные считались собственностью помещиков, то последние имели право наказывать провинившихся крестьян самостоятельно, не обращаясь к государству. Это не значит, что дворяне не приводили своих крепостных в судебные органы, напротив, изучение архивных дел доказывает, что дворяне охотно прибегали к помощи государства, если видели в этом выгоду. Но это значит, что, в отличие от стран Европы, в России значительная часть населения не могла рассчитывать на гарантированное судебное разбирательство и приговор в соответствии с нормами закона.

В российских челобитных и «расспросных речах» отсутствовала рациональная и четко выстроенная система аргументации, судьи не интересовались убедительностью показаний участников судебного процесса, их поведением в суде, эмоциями, жестами и т.д.; важно было лишь признается обвиняемый в совершении преступления или нет, подтверждает свидетель позицию истца или обвиняемого или нет. В Сыском приказе практически никогда не запрашивалось экспертное мнение. Исключения составляли лишь: случаи предполагаемых самоубийств, когда лекарь осматривал тело и делал заключение о характере смерти – насильственная или ненасильственная; случаи, когда обвиняемая заявляла о беременности и

---

²⁷ Durston G. Victims and Viragos. P. 109.

староста женской тюрьмы осматривала ее и сообщала о результатах; случаи, когда палач осматривал обвиняемого и решал, выдержит он пытку или нет.

Существование пытки как способа дознания и широкое, фактически неограниченное ее применение тормозили развитие российской судебной системы, ограничивали развитие иных, более эффективных и качественных следственных методов, в том числе основанных на достижениях науки.

Никаких улик и вещественных доказательств в ходе дела, как правило, не фигурировало, за исключением дел о краже и грабительстве. Профессиональных юристов в России XVIII века не существовало, судьи, часто бывшие военные или люди, совмещающие судебную власть с административной, не пытались осмыслить свою деятельность в категориях гуманности, рациональности, эффективности, они не рассуждали о достоинствах и недостатках существующей системы правосудия, у них не возникало идей о том, что существующее законодательство устарело и перестало отвечать уровню развития общества. Ценность человеческой жизни была довольно низкой, и, следовательно, принцип, согласно которому в случае наличия у судей сомнений лучше оправдать виновного, чем обвинить невиновного, в этих обстоятельствах не мог возникнуть.

В **заключении** делаются выводы о том, что использование термина «женская преступность» вполне правомерно, поскольку соответствующий социальный феномен в России XVIII века существовал.

Специфика женской преступности заключается не только в более низких количественных показателях и не только в том, что женщины совершали преступления, которых не совершали мужчины, и наоборот. Несмотря на то что во введении мы обозначили свой отказ от терминов «патриархат», «угнетение» и «бесправие», нельзя не признать, что жизнь женской части российского общества в рассматриваемое время была подвержена большему числу ограничений, чем жизнь мужской части. Историки показали, что многие законодательные, финансовые и даже социальные ограничения женщины иногда игнорировали, а иногда

оборачивали в свою пользу. Что касается женской преступности, то первостепенную роль здесь играли даже не социальные предубеждения или физиологические особенности, а скорее ментальные установки, в частности в отношении гендера. Женщины не выясняли отношения с помощью драк не потому, что непременно были физически слабее мужчин. Женщины предпочитали не драться, потому что такое поведение выходило за рамки приемлемого, терпимого в обществе. Но неизбежно возникающим чувствам гнева, ярости, злости тем не менее нужно было дать какой-то выход. И женщины давали: они бранились, склочничали, таились и действовали исподтишка. Обида, не получив мгновенного выплеска, вызревала и выливалась в разрушительные для всего сообщества эксцессы, как это было с поджогами.

В преступности, как и в других сферах жизни, женщины в большинстве своем занимали ту нишу, которая была приемлема для них с точки зрения общества. Они бежали от хозяев, крали, торговали краденым, то есть действовали в основном тайно, скрытно, не вступая ни с кем в прямую конфронтацию. Экономические преступления и в мужской преступности составляют наибольшую долю, однако если мотив – жажда наживы – был характерен для обоих полов, то способы его реализации были разные – мужчины часто при этом применяли насилие, совершали грабежи и разбои.

Хотя некоторые группы женского населения, в основном маргинальные, и демонстрировали высокую мобильность, в основном женщины все же в своей повседневной жизни имели меньше поводов далеко отлучаться от дома. Чего нельзя сказать о мужчинах, которые и в России, и в Европе в рассматриваемое время передвигались гораздо больше по разным причинам, но в первую очередь в поисках работы. Это автоматически расширяло диапазон потенциально криминогенных ситуаций за счет, во-первых, большего количества отношений, в которые они вступали, большего количества возможностей для нарушения закона, во-вторых, более частого

столкновения с чужаками и освобождения от моральных норм, действующих внутри их сообщества и дисциплинирующих их.

На фоне общей отсталости судебной системы парадоксальной кажется ее индифферентность к полу преступника. Если в видовой структуре преступности и мотивационном комплексе преступников можно проследить гендерные различия, то перед российским судом XVIII века мужчины и женщины были равны. Судьи не демонстрировали особенного неодобрения к женщинам, нарушившим правовые и социальные нормы, не раздражались нравоучительными сентенциями и вообще, кажется, не принимали во внимание пол представшего перед ними преступника. Женщин не судили более строго, но им также не делалось и послаблений. В этом заключается разительная разница с ситуацией, сложившейся в Европе. Там социальные ожидания могли играть за или против женщин: порой тех, кто совершил трансгрессию, вышел за границы приемлемого для их пола, карали суровее, чем мужчин, а порой, напротив, суды незаслуженно отказывали им в агентности, сомневаясь в способностях женщин совершать серьезные преступления или возлагая всю ответственность на их мужей. Таким образом, тезис В. Кивельсон о том, что гендер в российском обществе раннего Нового и Нового времени не имел первостепенного значения, а по важности шел после социального статуса и старшинства²⁸, оказывается применим не только к делам о колдовстве, но и ко всей судебной системе в целом. Полученные в результате исследования данные о правоприменительной практике уточняют наши представления о гендерном порядке в России Нового времени.

Как уже неоднократно говорилось выше, ситуация с преступностью в Москве 1730-х – 1740-х годов была практически уникальна. И в Петербурге, и в менее крупных городах был иной возрастной, социальный, национальный состав населения, несколько иначе работающие судебные учреждения и иные условия и возможности совершения преступлений. В связи с этим

---

²⁸ Кивельсон В. Магия отчаяния. Гл. 4.

дальнейшие перспективы работы над темой связаны с изучением фондов местных учреждений и сравнением характеристик женской преступности в столице и в регионах. Кроме того, расширение хронологических рамок позволит понять, как менялась женская преступность во второй половине XVIII века, и в частности, какой вектор развития ей был задан реформами Екатерины II.

Степень достоверности и апробация результатов

Достоверность исследования обеспечивается широким кругом вводимых в оборот источников, а также методологией работы с ними.

Отдельные положения настоящего диссертационного исследования были представлены на 5 конференциях, в том числе 4 международных:

1) X международная конференция Группы по изучению России XVIII века (2018 г., г. Страсбург). Доклад: «Повседневная жизнь женщин в царствование Петра I».

2) Ежегодная конференция Международной ассоциации гуманитариев (2018 г., г. Львов). Доклад: «Женщины в суде: стратегии поведения».

3) Конференция Института всеобщей истории РАН «Репрезентация социальных групп: институты, тексты, изображения и поведенческие стратегии эпохи Средних веков и раннего Нового времени» (2019 г., Москва). Доклад: «Социальный портрет русской преступницы XVIII века».

4) Международная аспирантская школа по гендерной истории (2021 г., Неаполь). Доклад: «Female Criminality in Russia in the 1730s». (Женская преступность в России в 1730-х гг.)

5) Онлайн-конференция по междисциплинарным гендерным исследованиям «Проблемы, факты и подходы» (2021 г., Стамбул). Доклад: «Female Criminality in Russia in the 1730s». (Женская преступность в России в 1730-х гг.)

Доклады по теме диссертации также представлялись на научных семинарах Центра истории России Нового времени НИУ ВШЭ.

Основные публикации автора в журналах, включенных в список журналов высокого уровня, подготовленный в НИУ ВШЭ, а также индексируемых в базе Scopus:

1. Штрихи к социальному портрету русской преступницы 30-х гг. XVIII в. / А.О. Видничук [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал "История". — 2020. — Т. 11. — № 6(92). — Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840010612-2-1/>
2. Женская преступность в России в 1730-е годы по материалам Сыскного приказа / А.О. Видничук // Новое прошлое. — 2021. — № 3. — С. 122–137.
3. Женская преступность в России XVIII века: постановка проблемы / А.О. Видничук // Новая и новейшая история. — 2023. — Т. 67. — № 2. — С. 5-20.

Прочие публикации автора:

1. Женский круг общения и досуг в первой трети XVIII века по судебно-следственным документам / А.О. Видничук // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. — Т. 27. — № 2. — С. 479–490.
2. Женское "бесчестье" в первой трети XVIII в. по судебно-следственным документам / А.О. Видничук // Стилос: сборник работ молодых ученых. — Вып. 2. / редкол. : В. В. Герасимова и др.; ред. совет: Р. С. Айриян и др. — Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. — С. 66–75.
3. Способы заработка женщин низших сословий в первой трети XVIII века / А.О. Видничук // Symposium Alumni. Актуальные вопросы социально-гуманитарных дисциплин: материалы VI открытой научно-практической

конференции "Symposium Alumni" / Отв.
ред. В. В. Шабалин, О. С. Ерахтина. — Пермь: Редакционно-издательский
отдел НИУ ВШЭ-Пермь, 2017. — С. 64–72.